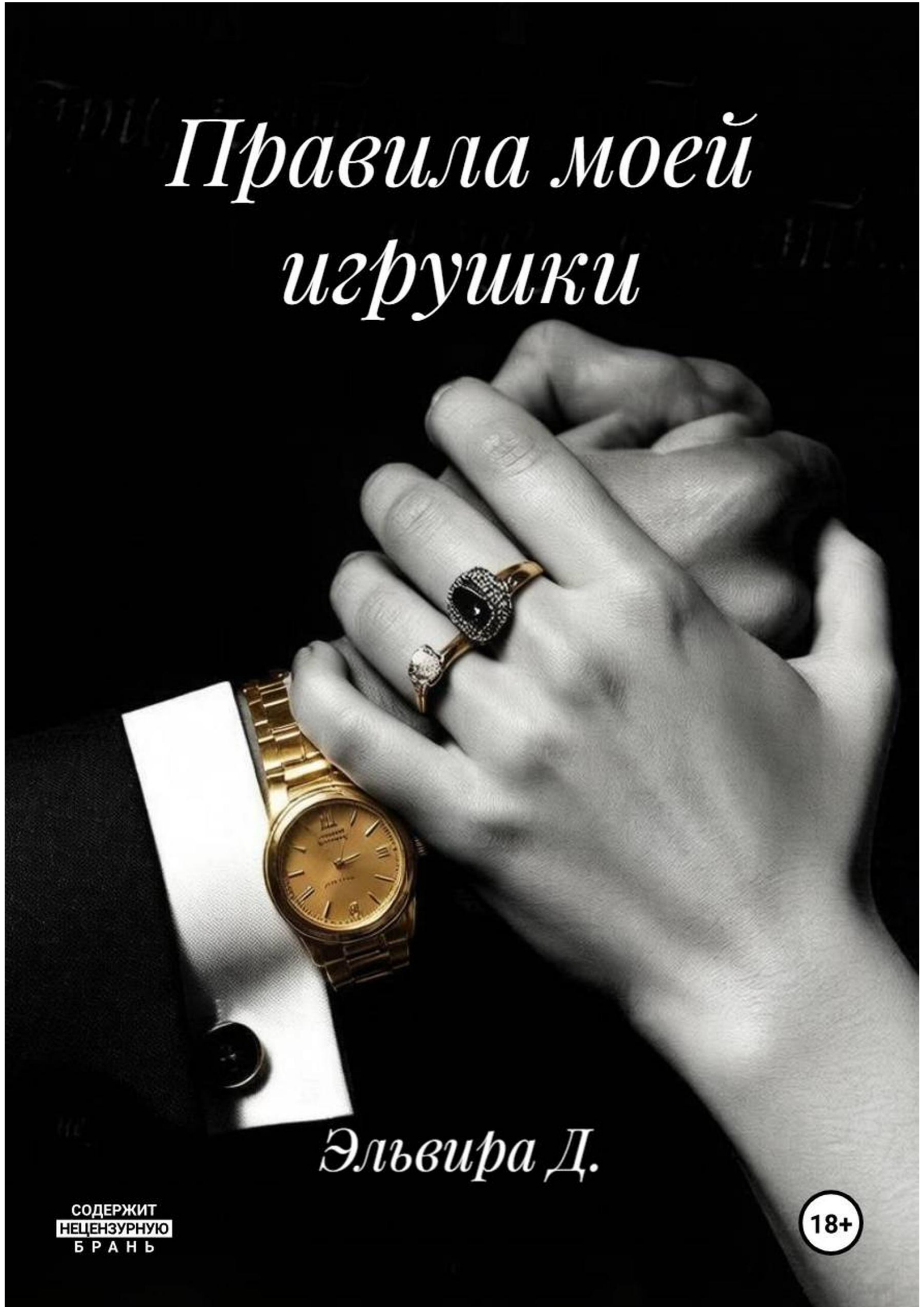
Правила моей игрушки



Эльвира Д.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Эльвира Д.

Правила моей игрушки

«Автор»
2026

Д. Э.

Правила моей игрушки / Э. Д. — «Автор», 2026

— Скучно? — спросил он риторически. — Давай разнообразим твой досуг.Она смотрела на него с немым вопросом, не двигаясь. — Я не люблю повторять.Он поднес планшет к ее лицу. На экране была открыта фотография. Ее фотография. На ней она смеялась, запрокинув голову, и в глазах сияли уверенность и дерзость.— Смотри, — приказал он, водя экраном перед ее глазами. — Смотри на эту дуру. На эту ничтожную, самовлюбленную сучку, которая решила, что она может бросить вызов не по чину. Где она сейчас? А? — Смотри! — его голос прогремел, заставляя ее вздрогнуть.Она смотрела на свое улыбающееся лицо, и ей стало физически больно. Та девушка на фотографии и та, что стоит сейчас на коленях в чужой рубашке, — были разными людьми. И он уничтожил первую, чтобы создать вторую.— Она думала, что она королева, — прошипел он, его лицо было совсем близко, его глаза пылали холодным огнем. — А оказалась грязной, голой шлюхой на моем полу. Запомни это. Запомни, кем ты была и кем ты стала по моей воле.

© Д. Э., 2026
© Автор, 2026

Правила моей игрушки

ЧАСТЬ 1

Санкт-Петербург, апрель

Руслан Грозовский стоял у панорамного окна. Петербург стелился внизу россыпью дрожащих огней, пунктиром набережных, бархатной, почти осязаемой тьмой Невы. Где-то там жили тысячи крошечных жизней со своими страстями, изменами и надеждами. Он смотрел на них сверху и чувствовал себя богом.

Пальцы левой руки расслабленно лежали на прохладном стекле. Он не замечал холода. Он вообще перестал замечать такие мелочи: температуру, вкус еды, усталость. Слишком много лет он учил себя не чувствовать, чтобы теперь позволить слабость.

Он усмехнулся. Интересно, что там, внизу, думают о человеке в этой башне, который никогда не спускается в метро, не покупает хлеб в соседней булочной? Наверное, считают его бездушной машиной для зарабатывания денег. И, черт возьми, они правы.

Стекло слегка запотело от дыхания. Руслан провел по нему большим пальцем, стирая влажную полосу. В этом движении было что-то почти нежное, почти человеческое.

Нева внизу текла медленно, как и триста лет назад. Та же вода, те же мосты. А он был здесь всего лишь на миг в вечности этого города. Глупо было думать, что он что-то покорил. Петербург не покоряется. Он просто позволяет тебе какое-то время себя обманывать.

В отражении — безупречный костюм, прямая спина, волевой подбородок. Никто бы не догадался, что внутри — только пустота, приправленная легким цинизмом.

Руслан повернулся от окна. Мобильный телефон беззвучно вибрировал на полированной столешнице, полз к краю. На экране светилось: "Анастасия". Невеста.

Палец повис над кнопкой принятия вызова, но он отправил звонок на голосовую почту и написал короткое сообщение: "Совещание. Перезвоню позже".

Он не врал. Совещание и правда должно было начаться через пятнадцать минут. Но причина была не в нем. Ему было невыносимо слышать ее голос — выверенный, холодноватый, с идеальной дикцией, отточенной в швейцарских пансионах. Голос, напоминавший о предстоящей свадьбе, о сделке и о будущем, расписанном по пунктам, как контракт.

Брак с Анастасией, дочерью Алексея Владимировича Зарецкого — патриарха одного из старейших банков страны, был стратегическим решением. Взаимовыгодным. Руслан получал доступ к закрытым финансовым потокам и негласную поддержку в высших эшелонах власти. Зарецкий — его мозги, его дерзость, его циничные методы, заставляющие старый капитал вращаться с невиданной скоростью. Свадьба была красивым ритуалом, скрепляющим союз. Любви там не предполагалось.

Иногда в редкие моменты тишины Руслана посещала мысль: а что, если? Что, если бы он женился на ком-то из своего прошлого? На той девушке из университета, с горящими глазами и верой в светлые идеалы? Он тут же глушил эти мысли. Сентиментальность была роскошью, она вела к ошибкам, а ошибки в его мире стоили миллионов.

Дверь в кабинет открылась. Секретарша — безупречная, как и все в этом помещении.

— Руслан Викторович, совещание через десять минут в зале "А". Все участники подтвердили присутствие.

— Спасибо, Ольга. Я выйду через пять.

Дверь закрылась. Руслан взял со стола папку. Его пальцы, привыкшие к клавиатуре и сенсорам, ощутили шероховатость дорогой бумаги. Физический контакт с реальностью. Ему это нравилось.

Совещание прошло эффективно, без лишних эмоций. Он ставил задачи, их принимали к исполнению. Когда все стали расходиться, на столе зазвонил внутренний телефон, разрывая тишину.

— Руслан Викторович, Роман Борисович и Станислав Олегович на связи. Ланч в "Империи" через два часа, — голос Ольги был таким же отполированным, как столешница.

— Спасибо, — бросил он в трубку.

Рома и Стас. Единственные люди, с которыми он мог позволить себе быть чуть менее застегнутым на все пуговицы. Рома — его личный циник и адвокат. Стас — голос разума и связь с властью. Их треугольник был таким же прочным, как его финансовые схемы.

Он накинул пиджак — шерсть и шелк от итальянских портных. Еще одна униформа успеха. В темном экране монитора отразился высокий, подтянутый мужчина с правильными, чуть усталыми чертами. Волосы, уложенные с дорогой небрежностью. Взгляд, который коллеги называли "пронзительным", а конкуренты — "бесчувственным". Идеальная обложка для *Forbes*.

"Империя" встретила его привычной прохладой, запахом дорогой кожи, старого дерева и кофе. Его провели к столику в глубине зала, подальше от любопытных глаз. Рома и Стас уже были на месте. Рома в неизменном темном костюме, с видом вечного обвинителя, что-то яростно строчил на айпаде. Стас, более расслабленный, в качественной рубашке с расстегнутым воротником, лениво помешивал латте.

— А, наш финансовый мессия явился, — не поднимая глаз от экрана, проворчал Рома. — Заждались. Время — деньги.

— Мировые рынки сегодня истеричны, — Руслан опустился в кресло. — Пришлось успокаивать.

— Успокоил? — Стас отодвинул чашку.

— На время. До следующего чиха какого-нибудь политика.

— Ну что, — Рома отложил гаджет и уставился на Руслана острыми глазами. — Готов к последнему выходу на свободу? Скоро о тебе будут вспоминать только в контексте "муж Анастасии Алексеевны".

— Не начинай, Ром, — одернул его Стас. — Человек есть хочет, а ты его в могилу брака закапываешь.

— Какая могила? — фыркнул адвокат. — Золотая клетка с видом на залив. Настя — девушка современная, каблуком под сердце тыкать не будет. У нее своих интересов выше крыши. Вы будете идеальной парой — два партнера, которые иногда спят в одной спальне для галочки.

Руслан молчал, чувствуя, как привычная тоска сжимает горло. Рома был прав. Абсолютно, хирургически прав. Так почему же сама мысль об этом вызывала желание встать и выйти из этого ресторана навсегда?

— Все под контролем, — сухо ответил он. — Отец Насти ждет моего звонка в пятницу.

— Ну вот видишь, — Рома удовлетворенно отхлебнул виски. — Все решено. Осталось сыграть роль счастливого жениха. А это тебе по силам. Ты же всю жизнь кого-то играешь.

Слова попали в цель. Руслан откинулся на спинку стула. Да, он всегда играл. Успешного сына, жесткого переговорщика, холодного стратега. Он так давно носил эти маски, что забыл, где заканчивается спектакль и начинается он сам. Если вообще начинался.

Еда не принесла удовольствия. Она была идеально приготовлена, но на вкус — картон. Разговор вертелся вокруг дел и политики. Стас пытался рассказывать случай из жизни Смольного, но даже его живость сегодня не спасала. Руслан кивал, а сам смотрел поверх голов друзей на хрустальные люстры и видел лишь бесконечную, выхолощенную пустоту.

— Что-то ты никакой, — констатировал Стас, когда официант унес тарелки. — Давление?

— Скорее, предсвадебная депрессия, — усмехнулся Рома. — Пройдет, как только подпишешь брачный контракт.

— Хватит насиловать жениха, — Стас решил сменить тему. — В пятницу что планируем? На Литейном открыли "Эклипс". Говорят, пафосно до тошноты. Надо проверить.

Рома оживился.

— Идея. Развеем тоску. Посмотрим на манекенщиц, выпьем за его светлое будущее в браке.

Руслана замутило. Еще один пафосный клуб, еще один вечер фальшивых улыбок и дорогого, но бесполезного алкоголя. Еще одна роль — душа компании.

— Я не знаю, парни, — начал он. — Может, ну его?

— Да брось! — перебил Рома. — Надо оторваться, чтобы было что вспомнить в процессе утренней пытки беговой дорожкой. Все, протест отклонен. В пятницу у меня.

Спорить не было сил. Вечер пятницы был предрешен, как и его свадьба.

Они вышли на улицу. Руслан задержался на ступеньках, глядя на свой черный, отполированный до блеска Mercedes.

— Ты как будто на похороны собрался, — хлопнул его по плечу Стас. — Расслабься, женишься — остепенишься, а пока грех не повеселиться. Рома уже сидел в своей машине, показывая знаком, чтобы поторопились.

Дорога до дома промелькнула в полузабытьи. Шофер вел машину по забитым улицам. Руслан смотрел на город за тонированным стеклом. Вот и его дом — футуристичный жилой комплекс. Квартира на последнем этаже. Еще одна стеклянная клетка.

Он поднялся на лифте. Двери открылись с глухим вздохом. Он вошел в гостиную, сбросил пиджак на диван, подошел к панорамному окну.

Вечерний Петербург зажигал огни. Они дрожали в дымке над Невой. Город преображался. Где-то там, внизу, кипела жизнь. Люди встречались, влюблялись, ссорились, мирились. Жили. А он стоял здесь, наверху, в своем идеальном улье, и готовился к очередному бессмысленному вечеру.

Садовая улица

Если мир Руслана Грозовского был соткан из стекла, стали и бездушного блеска, то мир Полины состоял из звуков. Из старых нотных тетрадей, пропахших пылью. Из терпкого кофе на пальцах ее педагога. Из сладковатого аромата маминых пирогов. И из вечного, неумолчного гула большого города за окном, который был не чертежом, а живым существом.

Этот гул был саундтреком ее утра. Не гудение климат-контроля, а перезвон трамвайных стрелок, отчаянные крики чаек над Фонтанкой, шум Сенного рынка. Полина, закутавшись в потертый халат, стояла на балконе, вцепившись в облупившуюся краску перил, и пила кофе из огромной кружки с котом.

— Полечка! Иди завтракать, а то опоздаешь! — голос мамы, теплый и привычный, донесся из глубины квартиры.

Квартира была тесной, заставленной мебелью двух поколений. Повсюду — следы ее музыкального взросления: старая фоторамка с первого выступления, пожелтевшие грамоты, учебники по сольфеджио между романами Достоевского.

За столом сидел папа с утренней газетой. Он поднял на нее добрые, уставшие глаза поверх очков. — Ну что, наша певица, готовишься покорять сегодня Большой зал?

— Готовлюсь, пап. Сначала покорю "Гриф", а там, глядишь, и до Большого дорастем.

Мама поставила перед ней сырники со сметаной.

— Опять сегодня ночью? — в ее голосе прозвучала тревога.

— Мам, я с Кирой, да и бар приличный.

— Приличный бар — это как сухая вода, — проворчал папа. — Там же мужики пьют.

— Пап, они приходят музыку слушать, а я получаю деньги за то, что люблю. Это прекрасно.

Она не врала. Бар "Гриф" был одним из адекватных мест в городе. Публика — своя, богемная. Но выпивали там крепко, и иногда к ней приставали. Киру, работавшую официанткой, это не пугало: ее острый язык отпугивал большинство поклонников.

Завтрак прошел в привычных разговорах. О папиной работе, о маминых планах на дачу, о предстоящем академконцерте. Это был ее островок стабильности. Иногда стены этой гавани казались тесными, но она знала — это из любви.

Через час она ехала в переполненном трамвае. Консерватория. Храм с высокими потолками и мраморными лестницами, которые помнили шаги Шаляпина. Здесь пахло историей, старым деревом, воском и священным страхом перед искусством.

Ее класс был на третьем этаже. Дверь с табличкой "Аглая Львовна Преображенская, профессор". Полина задержалась в коридоре, прислушиваясь к распевкам и гаммам. Это был ее мир.

Она вошла. Аглая Львовна, худая, прямая как трость, с седой шишкой, сидела за роялем. Ее пальцы с выступающими суставами бесшумно лежали на клавишах.

— А, Полина. Вы сегодня на пять минут ближе к пунктуальности. Это прогресс.

Полина сдержала улыбку. "Не хуже, чем в прошлый раз" — высшая оценка.

— Простите, Аглая Львовна. Трамваи...

— Трамваи, пробки... Быт — это то, что съедает талант на завтрак. Романсы Чайковского "Средь шумного бала". Начинайте.

Полина откашлялась, взяла ноты. Она знала их наизусть, но бумага успокаивала. Сделала вдох, посмотрела на педагога и запела. Мир за стенами консерватории перестал существовать. Остались только звуки. Точные аккорды рояля и ее голос, который она заставляла лететь, вибрировать, плакать.

— Стоп! — Аглая Львовна резко отпустила педаль. — Вы поете технично. Где душа, Полина? Где "случайность"? Вы вышагиваете по нотам, как по парадной лестнице, а надо парить. Еще раз. И забудьте, что за окном трамваи. Представьте бал.

Полина кивнула. Аглая Львовна видела ее насквозь. Она начала снова и попыталась отпустить контроль. Музыка ожила, задышала.

— Вот, — педагог позволила себе легкую улыбку. — Теперь уже что-то. Не идеально, но живое. Продолжаем.

Урок длился полтора часа. К концу Полина была выжата, но это была приятная усталость. Она собирала ноты в потрепанную папку.

— Полина, — педагог закрыла крышку рояля. — Вы много работаете по ночам?

Полина смутилась.

— В баре. Но я стараюсь не пропускать занятия.

— Я о том, что голос — инструмент капризный. Не превращайте дар в разменную монету. Его легко потратить.

В словах не было упрека. Была почти материнская тревога.

— Я понимаю, Аглая Львовна. Но...

— Но нужно помогать родителям. Я знаю. Будьте осторожны. Сцена в баре и сцена в Мариинке требуют разной цены за выход. Выбирайте с умом.

Слова легли на плечи тяжестью. А что, если она права? Что если она тратит свой шанс на сиюминутную необходимость?

Ее спасательный круг появился у буфета. Кира, с двумя стаканчиками кофе, сияла улыбкой.

— Ну что, старая карга опять твои трепетные чувства в прах растоптала?

— Почти. Но в этот раз с конструктивной критикой.

— Ты слишком близко к сердцу принимаешь, — Кира отхлебнула капучино.

День тянулся медленно. Лекция, самостоятельная практика, дорога домой, где она притворялась, что читает конспекты, а сама смотрела в окно. Дома ждал мамин борщ. Но мысли Полины уже были в "Грифе". Что спеть сегодня? Веселое? Или лиричное?

Перед выходом она крутилась перед зеркалом. Надела лучшее платье — простое, черное, идеально сидящее. Распустила темные волосы. Накрасила губы чуть ярче.

— Красишься? — удивилась мама. — Для бара-то?

— Мам, сцена есть сцена. Надо соответствовать.

Она вышла на улицу. Вечер был теплым. Она шла пешком от Садовой, вдыхая воздух, наслаждаясь минутами одиночества. Огни города были не холодными, а домашними.

Она обошла угол и увидела вывеску — кованый гриф с гитарой. Из двери доносился гул голосов. Полина сделала глубокий вдох, отодвинула тяжелую дверь и шагнула внутрь.

Ее встретил коктейль запахов: свежее пиво, старое дерево, чистящее средство и подгоревший кофе. Бар был полон наполовину. За стойкой суетился бармен Саша. Среди столиков мелькала рыжая голова Киры.

Полина прошла за стойку, бросила сумку в каморку и взяла гитару. Провела рукой по грифу. Все идеально. Она настроила микрофон. Кира, пробегая мимо, подмигнула:

— Готовься, публика жаждет зрелищ!

Полина вышла на сцену. Гул в зале поутих. Она привыкла к этой секунде тишины. К моменту, когда она переставала быть Полиной и становилась Голосом. Она улыбнулась, поправила микрофон.

— Добрый вечер.

Она ударила по струнам, взяла первый аккорд, закрыла глаза и запела о надежде.

«Великий и ужасный» Роман Земцов

Роман Борисович Земцов никогда не опаздывал. Это было не правилом — это была его природа, такая же неизменная, как цвет глаз или привычка постукивать пальцем по бокалу, когда собеседник говорил глупость. Он входил в зал заседаний ровно за три минуты до начала, и его появление всегда производило эффект внезапно наступившей тишины перед бурей.

Сейчас буря только назревала. Здание суда на Моховой встречало его прохладой мрамора и запахом старой бумаги. Охранники на входе вытянулись. Один, молодой, с кадыком, который ходил ходуном, попытался улыбнуться — Роман посмотрел на него так, что улыбка увяла, не успев родиться.

Секретарша, которую он видел впервые — полненькая блондинка лет двадцати пяти, — поперхнулась кофе и пролила его на блузку. Роман заметил это краем глаза, но не остановился. Ее проблемы не были его проблемами. Он редко допускал в свой мир чужие дела.

— *Семнадцать лет*, — подумал он, поднимаясь по мраморной лестнице. — *Семнадцать лет я хожу в этот зал. И каждый раз — как первый. Только никто не видит.*

Никто не должен был видеть. Слабость — роскошь, которую не может позволить себе адвокат, защищающий олигархов. Особенно когда твои услуги стоят как годовой бюджет небольшой страны. Особенно когда одно твое слово может отправить человека в камеру или вернуть к жизни.

Сегодня он возвращал к жизни Михаила Бережного. Алюминиевый король девяностых, переживший три покушения, три развода и один инсульт. Его состояние — два с лишним миллиарда долларов, список грехов — тридцать четыре тома уголовного дела. Генпрокуратура обвиняла его в отмывании, преступном сообществе и уклонении от налогов.

Свидетелей — семнадцать. Экспертиз — двенадцать.

— Роман Борисович! — помощник Бережного, плотный мужчина с вечно вспотевшим лбом, бросился к нему в коридоре. — Спасибо, что пришли. Мы так волнуемся.

— Это ваши проблемы, — Роман не замедлил шаг. — Я не волнуюсь никогда.

И это была правда. Адвокатская палата давала Бережному ноль шансов. Прокурор уже заказал шампанское в ресторане через дорогу. Но прокурор не знал Романа Земцова.

В зале суда

Судья Анна Павловна Соболева смотрела на Романа с уважением, смешанным с осторожностью. Она знала его десять лет. Десять лет он не проиграл в её зале ни одного дела.

— Слово предоставляется защите.

Роман поднялся. Он делал это всегда одинаково — медленно, плавно. Серый костюм Armani, белая рубашка, галстук — узел Виндзор. Туфли — английская ручная работа. Ничего лишнего. Волосы темные, скулы острые, словно выточены хирургом. Глаза — холодная сталь. Но сегодня он не собирался никому дарить даже намёк на жизнь.

— Ваша честь, — голос Романа звучал ровно. — Обвинение построено на показаниях свидетеля Волкова. Господин Волков трижды менял свои показания. Первый раз — когда его шантажировали. Второй — когда ему заплатили полмиллиона долларов. Третий — когда он испугался за свою жизнь.

Он сделал паузу. Ровно на три секунды.

— Какой из этих трех вариантов мы считаем истиной? И главное — кто заставил Волкова лгать? Потому что, ваша честь, ложь имеет автора. И этот автор не мой подзащитный.

В зале зашептались. Прокурор, молодой, амбициозный, вскочил:

— Возражение! Защита вводит присяжных в заблуждение!

— Это не возражение, это паника, — спокойно парировал Роман, не глядя на него. Он смотрел на присяжных. Двенадцать человек, державших жизнь Бережного.

— Ваша честь, разрешите мне продолжить.

Судья кивнула.

Роман подошел к столу присяжных. Встал вплотную к регламенту. Достал документ.

— Вот экспертное заключение. Подписи в договорах обвинения поставлены задним числом. Здесь эксперт указывает на выцветание чернил, невозможное при естественном старении.

Он повернулся к прокурору:

— Скажите, господин обвинитель, вы проверяли этот документ? Или вы решили, что раз Бережной — олигарх, значит, он автоматически виновен?

Прокурор покраснел. Пот побежал по виску.

— Я…

— Не нужно отвечать. Это риторический вопрос.

Он не повышал тона. Его сила была в тишине, в паузах, которые заставляли присяжных затаить дыхание. Во взгляде, который говорил: "Вы уже проиграли".

Он говорил еще час. О деталях, о нестыковках, о человеческом праве на ошибку следствия. Он цитировал европейские законы, Верховный суд и Достоевского. К концу его речи женщина лет пятидесяти в скромном платье вытирала глаза платком.

Есть. Мое.

Судья удалилась на совещание.

Час спустя

— Невиновен.

Слова ударили в зал, как пробка из бутылки шампанского. Бережной всхлипнул — громко, по-детски. Адвокат хлопнул его по спине. Жена олигарха, блондинка в Chanel, разревелась так, что с неё пришлось снимать макияж. Прокурор собирал бумаги с видом человека, которого переехал поезд.

А Роман стоял у окна и смотрел на Неву. Внутри — пустота. Всегда пустота после победы. Адреналин схлынул, оставив усталость — такую глубокую, что на секунду захотелось сесть на пол и закрыть глаза. — Нельзя, — одёрнул он себя. — За нами смотрят.

Он вышел через чёрный ход. Охранник с поклоном открыл дверь. Свежий воздух ударил в лицо — сырой, апрельский, с запахом прелых листьев и реки. Роман вытащил сигареты. Затянулся. Горький дым обжёг лёгкие. Голова закружилась.

Вибрация в кармане пальто. Голос Бережного дрожал:

— Роман Борисович... я не знаю, как благодарить.

— Счёт выставлю, — Роман бросил сигарету в урну. Докурил только половину.

— Сегодня вечером банкет. Арт-пространство на Васильевском. Будете?

— Буду. Обязательно буду.

Он сбросил вызов. Ветер трепал полы пальто. Где-то выли сирены — обычный ритм города, который он знал лучше собственного пульса. *Семнадцать лет. И мы всё ещё здесь.*

Он сел в черный Maybach и назвал водителю адрес офиса.

— Завтра вечером, — сказал он себе под нос. — Клуб. Стас сказал, клуб. Роман не любил клубы. Слишком громко, слишком много пьяных дураков, слишком много женщин, смотрящих на его часы. Но друзья есть друзья.

Лахта-центр. Два часа спустя

Руслан стоял у панорамного окна и смотрел вниз. Город растекался под ним, как микросхема — огни, дороги, мосты. Всё это можно купить. Каждый квадратный метр. Каждую машину. Каждого человека, который идет по набережной, не подозревая, что на него смотрит тот, кто может переписать его биографию одной подписью. Но Руслан не хотел переписывать биографии. Он хотел приумножать своё.

За спиной на мониторах плясали графики. Закрылась сделка по слиянию двух нефтяных активов. Сумма, которую среднестатистический россиянин зарабатывает за три тысячи лет. Пальцы помнили клавиатуру, в висках пульсировал адреналин. Наркотик. Деньги — лучший наркотик. Он — самый богатый наркоман в этом городе.

В дверь постучали.

— Да.

— Руслан Викторович, — голос Ольги звучал так, будто она докладывает генсеку, — звонок от Романа Борисовича.

Руслан улыбнулся. Впервые за день.

— Соединяй.

— Ну что, финансист? — голос Романа был спокоен. — Отмечать будешь?

— Дело выиграл?

— Дело я выиграл. Банкет сегодня в восемь. Арт-пространство "Метаморфоза". Знаешь?

— Слышал. Дорогое. Стас в курсе?

— Лечу набирать. Смольный, все дела. Ты как?

Руслан посмотрел на графики. Сделка закрыта. Завтра — другие проекты.

— Я свободен. А что за банкет?

— Бережной празднует. Будут все: от губернатора до теледивы. Приоденься.

— Я всегда одет.

— Жду в восемь.

Роман сбросил вызов.

Руслан подошел к окну.

Семнадцать лет назад мы ели доширак на троих. Теперь я на шестьдесят первом этаже.

В голове всплыла старая фотография. Три парня, грязные кружки, плакат Nirvana, разбитое окно, заклеенное скотчем. Клятва. Деньги. Власть. Уважение. Никто не поверил. Из общаги не вырастают в королей Петербурга. Обычно — не вырастают. Но они выросли.

Руслан открыл фото с прошлогоднего дня рождения Романа. Трое в костюмах. Роман смотрит с презрением. Стас ухмыляется. Руслан стоит между ними — улыбается, но глаза пустые. *У меня есть всё. Деньги, власть, уважение. Есть невеста. Богатая, красивая, умная.*

Он подумал об Анастасии. Холодная. Расчётливая. Губы сжаты в усмешку. Секс — по расписанию. *Зачем я на ней женюсь?* Он знал ответ. Брак с Зарецкой — это защита от рейдеров. Билет в мир, где деньги становятся властью. Но где там место для человека?

Руслан убрал телефон. Вздохнул.

— Ладно. Банкет. Завтра — клуб. Он посмотрел в календарь. Завтра. Клуб. Может быть, там будет не так скучно.

Смольный. 17:45

Станислав Олегович Половцев не любил, когда его ждали. Он не любил ничего, что напоминало зависимость. Он предпочитал сам управлять стрелками часов. Опоздавший на встречу к нему быстро понимал, что его место в очереди переместилось в конец.

Сейчас он стоял у окна кабинета на четвёртом этаже Смольного и смотрел на Неву. Золотой шпиль Петропавловского собора слепил в лучах закатного солнца. *Ирония.* Мы с Русланом смотрим на одну реку. Он — с Лахты, я — с высоты власти. Разница? Он может купить эту реку, а я могу изменить закон, по которому её покупают.

Стасу было тридцать шесть, но выглядел он на все сорок. Широкие плечи, крепкая фигура, тяжелая челюсть и глаза, которые видели слишком много, чтобы чему-то удивляться. *Власть старит. Каждое решение — морщина. Каждый компромат — седина.*

В Brioni он напоминал скорее голливудского дипломата, чем чиновника из Петербурга. Разница была. Дипломаты умели проигрывать. Стас не умел проигрывать вообще. *Выигрывать — привычка. Как чистить зубы. Проиграл один раз — второй будет проще. А я не могу позволить себе проще.*

На столе лежала папка — завтрашнее заседание комитета по бюджету. Семьдесят страниц.

В дверь постучали.

— Войдите.

Секретарша, высокая брюнетка в строгом костюме, с идеальным маникюром, просунула голову:

— Станислав Олегович, вам звонят.

— Кто?

— Роман Борисович.

Стас улыбнулся. У Романа всегда был идеальный тайминг.

— Давай.

— Слушаю.

— Стас, — голос друга звучал расслабленно. — Банкет сегодня в восемь. "Метаморфоза" на Васильевском. Освобождай вечер.

— Прямо всё бросить? — Стас усмехнулся, поглаживая край стола. — У меня завтра комитет по бюджету. Семьдесят страниц.

— А у меня победа на три таких бюджета. Сказано — быть. Приходи.

— И кто будет?

— Все. Бережной, полгорода. Будет весело.

Стас бросил взгляд на часы. 17:47. Встреча с Вероникой в "Астории" на 19:00. Миниюбка, которую она обещала, уже стояла перед глазами. Жена его заместителя. Глупая, жадная, предсказуемая. Именно таких Стас любил больше всего. *Зачем мне Вероника, если можно выпить с друзьями и посмотреть, как Бережной платит по счетам?*

— Ладно, — сказал он. — Буду.

— Вот и славно. Жду.

— Роман, — остановил его Стас. — Ты один?

— А тебе какая разница?

— Просто интересно. Ты в последнее время никого не приводишь.

— Нет никого, кто заслуживал бы моего времени. Всё. В восемь.

Стас положил телефон. Набрал Веронику.

— Алло, — томный голос.

— Встречу отменяю. Дела.

— Но, Станислав Олегович…

— Я сказал — отменяю.

Он сбросил вызов. Вероника обидится. Вероника будет дуться. Вероника заплачет.

Какая разница? Вероник много. А друзья — только двое.

Он взял папку с отчётом. Семьдесят страниц. Успеет прочитать завтра утром.

— Семнадцать лет, — сказал он вслух. — А кажется, что вечность.

Арт-пространство «Метаморфоза». 20:00

Банкет удался. Бережной не жалел денег. Шампанское "Кристалл" лилось рекой. Чёрная икра лежала сугробами. Струнный квартет за пятнадцать тысяч евро играл что-то медитативное, не мешающее разговорам. Репортёры щёлкали камерами. Фотографы метались между гостями: телеведущий, который пьет как сапожник; топ-модель, мечтающая о разводе; депутат, которого завтра арестуют, но сегодня он пьет "Кристалл" так, будто у него вечность. И повсюду — Бережной. Счастливый, пьяный, мокрый от слёз.

Роман стоял у дальней стены, в тени колонны, и наблюдал. Он не любил такие мероприятия. Слишком много шума, фальши, людей, пытающихся понять, чем он полезен. "Познакомьте с прокурором". "Позвоните судье". "Вы можете всё?" Он устал от этих вопросов. Устал быть функцией. Но сегодня был его день. Его победа. Он позволил себе побыть здесь ровно столько, чтобы показаться и исчезнуть.

— Земцов!

Голос Бережного перекрыл квартет. Олигарх, пьяный и счастливый, шёл к нему с бокалом в каждой руке. Лицо красное, галстук съехал, на пиджаке — пятно от соуса.

Чудовище. Украл миллиарды. Разорил тысячи. А теперь счастлив, потому что я его спас. Роману стало тошно. Не от шампанского — от осознания. *Но это моя работа. Я не судья, я адвокат.*

— Роман Борисович, я, бля, не знаю, как тебя благодарить! — Бережной говорил слишком громко. — Ты меня спас!

— Счёт придёт завтра, — сухо ответил Роман, принимая бокал.

— Да пошел ты со своим счётом! — олигарх хлопнул его по плечу так, что Роман чуть не пролил вино. — Слушай, тут одна телка... фотограф... ты должен её увидеть. Она сейчас снимает наш банкет. Настоящий талант.

Роман поднял бровь.

— Я не знакомлюсь с фотографами, Михаил Львович.

— А ты познакомься. Ради старого друга, которого ты вытащил. Ну пожалуйста.

Роман хотел отказаться. Но Бережной уже развернулся и потащил его за собой.

Они лавировали между гостями. Обошли бизнесмена в розовом пиджаке, Лену, любовницу Бережного, и двух моделей, ищущих мужчину с часами дороже ста тысяч.

— Вот она, — Бережной остановился.

Девушка в чёрном комбинезоне настраивала камеру. Длинные волосы в небрежном пучке. Никакого макияжа. Тонкая подводка, делающая взгляд пронзительным. Губы без помады. *Не его тип.* Он любил женщин ярких, высоких, белокурых, с идеальным маникюром. Которые знают, какую вилку взять для устриц. Эта была другой. Взгляд внимательный, цепкий — не на вас, а сквозь вас.

— В ней есть что-то, — прошептал Бережной. Роман промолчал.

— Алиса! — Бережной схватил девушку за руку. — Познакомься, это Роман Земцов. Роман, это Алиса Королёва.

Алиса подняла голову. Их взгляды встретились.

Ничего. Обычная девушка. Но что-то внутри кольнуло. Не электричество, не бабочки. Она смотрела на него не с желанием использовать связи. Она смотрела на него как на объект. Выбирала ракурс, чтобы показать миру его сущность.

— И что же ты видишь? — мысленно спросил он.

— Очень приятно, — сказал он вслух. Холодно.

— Взаимно, — ответила Алиса. Её голос был спокойным. Она не знала, кто он? Или ей было всё равно?

Бережной счастливо заулыбался:

— Ну вот, познакомились. Алиса, ты снимешь Романа? Для журнала? Сделай пару кадров.

— Конечно.

Бережной исчез. Оставил их вдвоём. Повисла пауза.

Алиса подняла камеру. Прицелилась. Щёлк.

— У вас красивое лицо, Роман Борисович, — сказала она, не отрываясь от видоискателя. — Жесткое. Фактурное. Я видела вас в суде сегодня.

— Я знаю.

— Вы на меня смотрели?

— Я смотрю на всех, кто сидит в зале.

Она опустила камеру, посмотрела ему прямо в глаза.

— На меня вы смотрели три раза. Я считала.

Роман не нашёлся с ответом. Впервые за много лет он не знал, что сказать.

— Вы блестяще работаете, — продолжила Алиса. — Я не юрист, но ваша речь... это было искусство.

— Благодарю. *Комплимент. Сейчас начнётся: "помогите моему брату".*

— Но вы защищали виновного, — добавила она.

— Прошу прощения? — Роман даже не понял сначала.

— Бережной — преступник, — спокойно сказала Алиса. — Украл миллиарды. Разорил тысячи. Из-за него обанкротились заводы. Люди остались без работы, а вы его защищали. И вы это знаете.

Роман смотрел на неё. Внутри поднималось что-то тяжёлое, физическое. *Как она смеет? Как эта девчонка...*

— Вы наивны, — сказал он. — Мир не делится на чёрное и белое.

— Он делится на тех, кто платит, и тех, кто страдает, — парировала Алиса. — И сегодня вы на стороне тех, кто платит.

— Это моя работа.

— Это ваш выбор. Работа — это набор действий. Выбор — это когда вы смотритесь в зеркало и понимаете, нравится ли вам то, что вы видите.

Роман почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он не краснел с восемнадцати лет. С тех пор, как Стас разбил ему нос, а он стер кровь и сказал: "Зато ты будешь помнить, что поднял руку на Земцова".

— Вы когда-нибудь слышали пословицу "не кормите крокодила в надежде, что он съест вас последним"? — спросил он.

— Это угроза? — Алиса усмехнулась. В этой усмешке было столько презрения к его Armani, что Роман на секунду потерял дар речи.

— Это констатация факта.

Алиса посмотрела на него. Потом на свой бокал — полный, нетронутый. Улыбнулась. Не извинительно. Не игриво. Так, как улыбается человек, принявший решение.

— А знаете, Роман Борисович, — сказала она. — Вот это — за тех, кто не может вам ответить.

Она подняла бокал и вылила его содержимое на грудь адвокату. Медленно. Как будто поливала цветок.

Шампанское растеклось по рубашке, галстуку, пиджаку. Холодная жидкость потекла по груди. Роман стоял, не двигаясь. В зале воцарилась тишина. Не та, когда молчат, чтобы слушать, а та, когда воздух тяжел, как перед грозой. Что-то, что войдет в историю. Кто-то ахнул, кто-то выругался, кто-то начал смеяться, но заткнулся, поймав взгляд Романа.

А Роман смотрел на Алису. Она не уходила. Не опускала глаз. Смотрела прямо на него, с этой спокойной, почти скучающей улыбкой.

— Я выставлю вам счёт, — сказал он тихо. Голос звучал ровно, но внутри клокотало такое, от чего тряслись пальцы. *Уничтожить. Стереть в порошок. Сделать так, чтобы она пожалела.*

— Возможно, — Алиса пожала плечами. — Но вы меня не запугаете. Я не из тех, кто боится.

Она развернулась и ушла.

Роман стоял посреди зала в испорченном костюме. Мокрый. Униженный на глазах у всего Петербурга. Только один человек знал, что он чувствует. Он сам.

— Ты пожалеешь, королева, — мысленно пообещал он. — Ты ещё пожалеешь.

Квартира на Адмиралтейской набережной, пятница

Роман сидел в кожаном кресле и сжимал бокал с коньяком так, что тот мог лопнуть.

— Она что, реально облила тебя? — переспросил Руслан, стараясь говорить серьёзно. Но губы предательски подрагивали.

— Реально, — Роман отхлебнул коньяк. — На глазах у всего Петербурга.

Рядом на диване развалился Стас. Он не скрывал улыбки.

— Это ж надо, — протянул он. — Великий Земцов, которого боятся прокуроры и губернатор... повержен девчонкой с фотоаппаратом.

— Заткнись, Стас.

— А что она сказала? — спросил Руслан. Он сидел в кресле напротив, закинув ногу на ногу, и крутил в руках кружку с треснувшей ручкой. — Дословно.

— "Вы защищали виновного". "Вы на стороне тех, кто платит".

— Это всё? — удивился Руслан. — Она просто тебе правду сказала?

— Она меня унизила! — Роман поставил бокал на стол с такой силой, что коньяк выплеснулся на полировку. — При всех. Вылила на меня шампанское.

— Как женщина, которая не побоялась тебя, — заметил Стас.

— Ты на чьей стороне?

— Я на стороне истины. А истина в том, что ты слишком много о себе думаешь. Может, полезно получить по зубам от такой малышки?

Роман сжал зубы.

— Я уничтожу её, — сказал он. — Разрушу её жизнь. Заставлю приползти ко мне на коленях.

Руслан и Стас переглянулись.

— Рома, — осторожно начал Руслан. — Может, не надо? Ну девчонка погорячилась. Ну бывает.

— Со мной — не бывает.

— А если она извинится?

— Она не извинилась. Она посмотрела мне в глаза и сказала: "Вы меня не запугаете".

Руслан вздохнул. Он знал этот тон. Когда Роман так говорил, остановить его было невозможно. Он становился одержимым.

— И что ты сделаешь? — спросил Стас.

Роман поднялся. Подошёл к окну. Посмотрел на ночной Петербург.

— Она фотограф, — сказал он задумчиво. — У неё есть студия, репутация. Я отберу заказы. Заставлю партнёров отказаться. Подставлю так, что она будет должна всем. И когда ей некуда будет идти — она придёт ко мне.

— Ты псих, — сказал Руслан беззлобно.

— Возможно, — Роман обернулся. — Но я не проигрываю.

— А если она не придёт? — спросил Стас.

— Придёт. Все приходят. Вопрос времени.

Повисла пауза. Руслан потёр переносицу.

— Ладно, — сказал он. — Поехали в клуб. Надо отвлечься.

Стас откинулся на спинку дивана.

— В клуб так в клуб, но сначала ещё по одной!

Роман вернулся в кресло. Взял бокал. *Королёва. Алиса Королёва.* Он повторил имя про себя. Имя имело вкус. Горький. Как полынь. *Ты ещё узнаешь, что значит перейти дорогу Роману Земцову.*

Он выпил коньяк залпом.

Ночной клуб «Эклипс»

Ад. Он состоял из стробоскопов, бита, бьющего в основание черепа, и липкой атмосферы притворного веселья. "Эклипс" был именно таким, как ожидал Руслан: дорогим, претенциозным и скучным. Пространство завода напичкано лазерами и зеркалами, множащими толпу. Воздух густым от духов, дыма и алкоголя. Люди кричали в уши, трясясь в странном припадке, поднимая бокалы с шампанским.

Руслан, Рома и Стас заняли столик на платформе, огороженной бархатным канатом. Отсюда открывался вид на вакханалию.

— Ну что, круто? — прокричал Стас в ухо. — Я же говорил! Место — огонь! Пол Питера тут!

— Огонь, — кивнул Руслан, делая глоток виски.

Алкоголь был просто анестетиком, попыткой заглушить клаустрофобию. Рома, сидевший напротив, с философским видом помешивал виски колой. Он разделял настроение Руслана.

— Народу многовато, — заметил он. — Как сельди в бочке.

— Это тренд! — хлопнул его Стас. — Чем теснее, тем веселее! Смотри, какие девчонки!

Руслан скользнул взглядом по толпе. Девушки были красивыми, с идеальным макияжем и пустыми, стеклянными глазами. Они смотрели оценивающе, вычисляя статус, часы, перспективы. Привычный, отлаженный механизм. Улыбнуться, предложить выпить, обменяться номерами. Пустая игра, которую он ненавидел. К столику подходили "знакомые" — уставшие молодые люди в дорогих костюмах. Обменивались рукопожатиями, пустыми фразами.

— Слышал, ты скоро в брак вступаешь? — кричал сын какого-то олигарха. — С Настей, да? Красавица!

— Спасибо, — кричал в ответ Руслан, чувствуя, как сводит скулы.

Он ловил себя на том, что смотрит на часы. Вечер тянулся мучительно. Каждая минута похожа на предыдущую. Он чувствовал себя застрявшим в зацикленном спектакле. Руслан отодвинулся от стола. Ему не хватало воздуха. Он показал друзьям, что идет в туалет, и начал пробираться сквозь толпу. Тела, пот, взгляды. Загнанный зверь.

Уборная "Эклипса": черный мрамор, позолота. Чуть тише. Руслан плеснул ледяной воды в лицо. В зеркале — усталое лицо незнакомца с пустыми глазами. *Что я здесь делаю?* Ответа не было. Только пустота. Он надел маску и вышел.

Возвращаясь, он увидел, что Стас танцевал с блондинкой, а Рома спорил с девушкой-юристом. Никто не заметил его отсутствия. Призрак на своем празднике. Он сел. Поймал взгляд Ромы. Тот прочитал всё на его лице.

— Ладно, я сдаюсь. Слишком громко. Может, рванем? Я знаю тихое местечко.

Руслан почувствовал благодарность.

Они собрались под недовольный взгляд блондинки Стаса. Пробиться к выходу было тяжело. Дверь захлопнулась. Тишина оглушила. После какофонии клуба она казалась музыкой.

Руслан сделал глубокий вдох.

— Я чуть не сошел там с ума, — выдохнул он.

— Я уже давно, — усмехнулся Роман, доставая сигареты. — Куришь?

— Нет.

— И правильно. Он прикурил, затянулся. — Пошли? Место в паре кварталов. Не пафосное, зато свое пиво и музыка.

Они пошли по Литейному. Ночь была тихой и прохладной. Фонари отбрасывали длинные тени. Напряжение покидало плечи.

— Ты выглядел там, как на допросе, — заметил Земцов, выпуская дым. — Не нравится — так и скажи.

— Да не в клубе дело, — мрачно ответил Руслан. — Вообще ничего не нравится. Все это... — он махнул рукой, — ...бессмысленная беготня по кругу.

— Предсвадебный синдром, — кивнул Роман. — Пройдет.

— Это не синдром, Рома. Это отчаяние.

Они шли молча.

— Послушай, — сказал Рома. — Я тебя знаю с университета. И я никогда не видел тебя счастливым. Увлеченным — да. Но счастливым? Может, знак? Может, не надо себя насиловать?

Руслан горько усмехнулся.

— Легко сказать. Ты же знаешь, что стоит на кону. Это сделка. И моя подпись уже стоит под черновиками.

— Черновики можно порвать, — пожал плечами адвокат. — Но дело твое. Ладно, вот и наше убежище.

Он указал на неприметную вывеску над тяжелой дверью: "Гриф". Из-за двери доносился гул и музыка.

— Заходи, — хлопнул его по плечу Роман. — Здесь тебя никто не достанет.

Он толкнул дверь, и они вошли.

***

Внутри было душно, пахло виски и дорогим одиночеством. Кира Васнецова лавировала между столиками с подносом. Рыжие волосы выбились из пучка, фартук в пятнах, настроение — ниже цоколя.

— Девушка, — раздался голос, от которого хотелось ответить "отвалите".

Она обернулась.

За третьим столиком у сцены сидели трое. Один — классический красавчик, дорогой костюм, грустный взгляд финансиста. Второй — хищник в человеческой коже, тёмный пиджак, идеальная стрижка. А третий… Третий смотрел на неё как на дичь. Кира сразу его вычислила. Дорогие часы, открытый ворот. Уверенность, которая не нуждается в деньгах. Таких она видела в глянцевых журналах. Высокопоставленные козлы.

— Чего изволите? — спросила она тоном, каким говорят с надоевшими родственниками.

Третий, брюнет с жёстким лицом и глазами цвета осенней Невы, усмехнулся.

— Принесите "Маккаллан" 18 лет. И улыбку. Мне кажется, вы её где-то потеряли.

— Не теряла. Просто вам не положена.

Тот, что с грустными глазами, хмыкнул. Хищник в тёмном поднял бровь. А третий медленно взял меню и так же медленно положил обратно.

— Как вас зовут? — спросил он.

— А вам зачем?

— Чтобы знать, кого вызвать завтра к управляющему.

Кира уперла свободную руку в бок.

— Кира. А вас?

— Станислав.

— "Маккаллан" нет. Есть "Джонни Уокер" и плохое настроение. Заказывать будете?

Финансист хмыкнул. Хищник в тёмном откинулся на спинку:

— Стас, кажется, она тебя послала.

Стас не сводил с неё глаз. В них не было злости.

— "Джонни Уокер". И лед.

— Скажете "пожалуйста", и будет лёд, — Кира развернулась и ушла к бару, чувствуя на спине его взгляд.

Саша натирал стакан:

— Ты идиотка, Васнецова. Он тебя взглядом разденет.

— Пусть попробует. Я кусаюсь.

— Это я заметил, — раздалось над ухом.

Она резко обернулась. Стас стоял в полуметре, слишком близко. От него пахло кожей и парфюмом.

— Вы подкрадываться умеете. Навыки хулигана или специальная подготовка?

— Специальная. — Он взял стакан со стойки и сделал глоток. — Я привык получать то, что хочу.

Она засмеялась. Искренне.

— Мальчик, вы не в Смольном. За свой виски вы заплатите сейчас, а комплименты оставьте тем, кто на них ведется.

Она протянула руку. Стас достал бумажник, вынул купюры, слишком много, и положил на ладонь. Пальцы задержались на её коже дольше, чем следовало.

— Сдачи не надо. Это аванс. Увидимся, Кира.

Кира смотрела ему вслед. Он сел, откинулся и взял виски. Не обернулся.

— Саша, — сказала она, чувствуя, как поднимается холодная волна. — Кто это?

Саша перестал натирать стакан.

— Ты серьёзно не знаешь? Это Половцев. Станислав Половцев. И он реально из Смольного.

Кира медленно выдохнула.

"Чёрт".

***

Полина стояла за кулисами и дышала. Глубоко, животом, как учила Аглая Львовна. "Твой голос — это дыхание. Если ты правильно дышишь — ты поёшь".

— Полина, ты выходишь через пять минут! — крикнул Саша, бармен.

— Спасибо, Саш.

Она поправила простое чёрное платье. Волосы распущены, макияж — минимум. Ей не нужны были яркие краски. Её цветом был голос. Полине было двадцать два. Хрупкая, длинноволосая, с глазами цвета осеннего неба. Пятый курс консерватории, академический вокал. Мечтала о Мариинке. А пока пела в баре.

— Ничего, — сказала она зеркалу. — Это временно. Деньги нужны. Опыт.

За кулису заглянула Кира.

— Ну что, звезда? Готова?

— Всегда готова.

— Слушай, тут странные типы. Сидят за третьим. Трое. Дорогие костюмы, часы. Пьют виски по пять тысяч за глоток.

— И что?

— Один — брюнет, холодный как лёд — посмотрел, как на пустое место. Русый, с уставшими глазами — хотя бы кивнул. Третий — широкий, с челюстью — пытался флиртовать.

— И как?

— Неудачно.

Полина рассмеялась.

— Кира!

— Что? Я официантка, а не девочка по вызову.

— Странный тип.

— Все они странные. Ладно, выходи. Народ ждёт.

Полина выдохнула. Шаг на сцену. Мягкий свет. Микрофон. Первая нота внутри. "Summertime, and the livin' is easy...". Голос негромкий. Не перекрикивающий звон бокалов. Тихий, но заполняющий пространство. Заставляющий людей поднимать головы.

За третьим столиком Руслан замер. Бокал с виски застыл. Пальцы онемели. Дыхание перехватило. *Что это?* Он смотрел на девушку в чёрном, на её темные волосы.

— Ты чего застыл? — Стас допивал второй бокал. — Рыжая уже два раза прошла.

— Тихо, — сказал Руслан.

— Что?

— Заткнись и слушай.

Стас замолчал. Роман посмотрел на сцену, потом на Руслана.

— Талантливая, — сухо сказал он.

— Не просто, — тихо ответил Руслан. — Она забирает всё пространство. Ты чувствуешь?

Роман промолчал. А Руслан смотрел и не мог отвести взгляд.

Полина пела второй куплет. Голос поднимался, становился прозрачнее. Как горный ручей.

— *Кто ты?* — думал Руслан. — *Я объездил полмира. Но так, чтобы внутри перевернулось...*

Он не закончил. Полина открыла глаза и посмотрела прямо на него. Не на столик — на него. Одна секунда. Две. Улыбнулась, едва заметно, уголками губ, и перевела взгляд на других.

— Слушай, — Стас наклонился. — Понравилась девка? Так подойди.

— Не могу.

— Почему?

Руслан посмотрел на свой бокал.

— У меня Анастасия.

— Анастасия здесь? — Стас оглядел зал. — Нет. А девушка поёт так, что у меня мурашки. Твоему выбору не нужен свидетель.

— Это нечестно по отношению к ней.

— К кому? К Анастасии? — Стас усмехнулся. — Она выходит за твои деньги. Она знает. Ты знаешь. В чём проблема?

Руслан промолчал. Роман поднял голову от телефона.

— Стас прав. Ты не обязан быть монахом. Тем более... если сам не уверен, что эта свадьба — правильное решение.

— А я и не уверен, — вырвалось у Руслана.

Повисла пауза.

— Ты серьёзно? — спросил Стас.

— Я не знаю, — Руслан провёл рукой по лицу. — Анастасия — холодная. Я не чувствую её.

— А эту? — Роман кивнул на сцену.

Руслан посмотрел на Полину. Она кланялась. Скромно, с лёгким смущением.

— Да, — сказал он тихо. — Чувствую.

— Вот и подойди. Тебе не восемнадцать.

Стас хотел что-то добавить, но Роман остановил его жестом.

— Оставь. Он сам решит.

За барной стойкой Кира протирала стаканы.

— Вот козлы, — прошептала она.

— Кто? — Саша натирал кофемашину.

— Эти. В костюмах. Пьют и смотрят на Полину.

— Естественно.

— Ты видел, как этот, с уставшими глазами, на неё смотрит? — Кира кивнула на Руслана. — Как на спасение. Как будто встанет и признается в любви. Пафосно. Противно.

Саша усмехнулся:

— Ты завидуешь, что на тебя так никто не смотрит.

— Я хочу, чтобы платили вовремя и не приставали.

— А Половцев? Он к тебе подходил, ты его отшила.

— И отшиваю дальше.

— Зря. Он богатый.

— Тем более, — Кира отставила стакан. — Богатые мужчины — самые опасные. Они думают, что могут купить всё. А я не продаюсь.

Она отвернулась. Но краем глаза следила за широкоплечим мужчиной. *Почему он смотрит? Я же ему нахамила. Может, ему это нравится?* Она отогнала мысль.

Полина закончила сет. Две песни. Джаз, потом "Feeling Good". Зал аплодировал. Не бурно, но искренне. Она ушла за кулисы, выдохнула.

— Отлично, — Саша протянул воду. — Ты сегодня особенно.

— Спасибо.

Она пила маленькими глотками. Волнение уходило после первой песни. Оставалась музыка.

— На тебя тот тип глазел, — Кира подошла.

— Какой?

— С уставшими глазами.

— Я не заметила.

— Врёшь. — Кира усмехнулась. — Ты ему улыбнулась во второй песне.

— Я улыбаюсь всем.

— Нет, этому по-особенному.

Полина покраснела. Она не хотела признаваться, но да, она его заметила. Как только открыла глаза. Он сидел за третьим. Дорогой пиджак, галстук ослаблен. Взгляд — уставший, но живой. Он смотрел так, будто она была единственным источником света.

— Кира, я не...

— Ладно, — подруга махнула рукой. — Будь осторожна. Такие мужчины не приходят просто так. У них жизни. Деньги. Власть. Мы для них — развлечение.

— А мы и не для них, мы для себя.

— Умница, — Кира чмокнула её. — Ладно, там широкий опять смотрит. Пора ему что-нибудь вылить на голову.

Она ушла. Полина осталась одна.

— Кто ты, мужчина с уставшими глазами? — подумала она. — Зачем ты здесь? И почему я не могу тебя забыть?

***

Трое друзей выходили на Лиговский. Ночь. Фонари. Машины.

— Ну что, — сказал Стас. — Я сегодня не пожалел, что согласился на этот бар.

— Почему? — спросил Роман.

— Рыжая. Официантка. Она меня послала! Я такого не помню.

— И что, понравилось?

— Азарт проснулся, — усмехнулся Стас. — Хочу её.

— Будь осторожен, — рассеянно заметил Руслан. Он всё ещё думал о певице. — Такие, как она, могут сделать больно.

— Я? — Стас хлопнул себя по груди. — Мне? Больно? Да никогда!

Они замолчали. Роман закурил. Дым уходил в весеннее небо.

— Рома, — спросил Руслан. — Ты так и не передумал насчёт той девушки? Фотографа?

— Нет.

— Всё ещё хочешь уничтожить её жизнь?

— Хочу.

— Зачем? Она же просто облила тебя шампанским. Не убила же.

Роман выдохнул дым.

— Дело не в шампанском. Дело в том, что она посмела судить меня. Кто она такая, чтобы указывать мне, кто виновен, а кто нет?

— Она просто сказала правду.

— Правда — это то, за что я получаю деньги, — отрезал Роман. — А то, что она сказала — это эмоции.

— И что ты с ней сделаешь? Когда она придёт?

Роман улыбнулся. В этой улыбке не было ничего тёплого.

— Увидишь.

Они сели в машину. Чёрный Maybach. Водитель захлопнул дверь.

— Куда? — спросил он.

— Сначала Руслана домой, потом Стаса, потом меня. Роман откинулся на спинку. Город плыл за окном. Огни, люди, жизнь.

Королева. Ты ещё не знаешь, что я приготовил. Но скоро узнаешь.

Алиса

Алиса Королёва не спала третью ночь.

Она лежала на диване в своей маленькой квартире на Васильевском острове и смотрела в потолок. Трещина. Давно надо было зашпаклевать, но всё руки не доходили. Как и многое другое.

— Ты просто устала, — сказала она вслух. В пустой комнате её голос звучал глухо, почти чужеродно. — Просто устала. Завтра всё наладится.

Но «завтра» не налаживалось уже три дня.

Всё началось в понедельник утром. Ей позвонил Аркадий — владелец журнала «Искусство.ru», для которого она снимала обложку уже два года.

— Алис, извини, — голос у него был виноватый, но твёрдый. — Мы не можем работать дальше.

— В смысле? — она ещё не проснулась толком. Чашка кофе стояла на столике, нетронутая. — У нас же съёмка послезавтра. Модель подтвердила, локацию я нашла…

— Проект закрыли. Сверху сказали. Не со мной спорить.

— Кто «сверху»?

Аркадий помолчал.

— Не могу сказать. Извини.

И положил трубку.

Алиса тогда не придала этому значения. В её бизнесе такое случалось. Клиенты уходили, приходили новые. Ничего личного.

Потом позвонила Лена, её ассистентка.

— Алиса, у меня для тебя плохие новости. Заказ от «Северной коллекции» отменили. Наша контактная персона сказала, что ей позвонили из администрации города и намекнули, что с тобой не стоит связываться.

— Что? — Алиса села на диване. — С какой стати?

— Не знаю. Она сама в шоке, но боится. Сказала, что, если не разорвёт контракт с тобой, у её фирмы будут проблемы с проверками.

— Это бред.

— Знаю. Но что я могу сделать?

К вечеру понедельника Алиса потеряла три заказа.

Ко вторнику — ещё пять.

К среде — все.

Она сидела перед ноутбуком, смотрела на пустой календарь и чувствовала, как внутри разрастается чёрная дыра. Аренда студии — сто тысяч в месяц. Коммуналка — двадцать. Налоги — ещё сорок. Ипотека за квартиру, которую она взяла два года назад, когда дела шли в гору.

— Я разорена, — подумала она спокойно, как думают о смерти близкого человека — с отстранённым ужасом, который ещё не дошёл до сознания.

Перед внутренним взором возникло его лицо. Холодные глаза. Острые скулы. Улыбка, которая не касалась губ — только кончики глаз, и то неуловимо.

— Я выставлю вам счёт, — сказал он тогда.

Она не поверила. Точнее, не захотела верить. Слишком мелко для человека его уровня — мстить фотографу за испорченный костюм.

Но, видимо, она ошиблась.

— Мелко? — усмехнулась она про себя. — Нет. Это не мелко. Это методично. Это профессионально. Это так, как умеет только тот, кто привык стирать людей в порошок.

Извиниться перед ним? Приползти на коленях и попросить прощения за то, что посмела сказать правду?

— Нет, — подумала она. — Я скорее умру.

Офис Земцова

Роман сидел в своём кресле, которое он привёз из Милана — чёрная кожа, идеальная эргономика, цена как у подержанного Mercedes. За его спиной — окно, за которым раскинулся Петроградский район. Крыши, шпили, золото куполов.

Он смотрел на экран ноутбука и улыбался.

Не широко, как улыбаются счастливые люди, а уголками губ — как улыбаются хищники, которые только что загнали добычу в угол.

— Королёва Алиса Сергеевна, — прочитал он вслух.

На экране был её профиль в соцсети. Фотография: она стоит с камерой, ветер развевает волосы, глаза смеются. Снимок сделал кто-то другой, наверное, подруга или случайный прохожий.

— Она красивая, — подумал Роман. — В этом своём... неформатном стиле.

Не его тип. Совсем не его тип. Но что-то в этом лице было такое, что заставляло возвращаться взглядом снова и снова.

— Глупости, — одёрнул он себя. — Ты её ненавидишь. Ты должен её уничтожить. Всё.

Он открыл список того, что уже сделано:

1. Журнал «Искусство.ru» — отказались от сотрудничества. Контактное лицо — Аркадий Горохов, получил звонок от «нужных людей». Испуган, больше не позвонит.

2. «Северная коллекция» — разорвали контракт. Директору по маркетингу позвонили из администрации. Конкретных угроз не было, только «рекомендация». Рекомендации от администрации в Петербурге — это приказы.

3. Студия «Арт-Дизайн» — отказались от проведения выставки. Сослались на «технические проблемы».

4. Школа фотографии — отозвали приглашение на мастер-класс. Причина: «изменение формата».

5. Три частных заказа — клиенты сами позвонили и извинились. Одна девушка плакала в трубку, говорила, что у неё «нет выбора».

— И это только начало, — подумал Роман.

Он мог бы продолжить. Мог бы надавить на банк, где у неё ипотека. Мог бы подставить её так, что она бы села за мошенничество. Мог бы... Но он не хотел ломать её до конца. Пока нет. Он хотел, чтобы она пришла сама, без принуждения. По собственной воле. И тогда он посмотрит ей в глаза и скажет: «Я же говорил».

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошел его помощник, Егор. Молодой, амбициозный, в идеально отглаженном костюме. Роман взял его год назад из юридической фирмы-конкурента, переманил за двойную зарплату. Егор был предан, как собака, и так же опасен, когда надо было кого-то «обработать».

— Роман Борисович, я по Алисе Королёвой.

— Докладывай.

Егор открыл планшет.

— Она сегодня потеряла ещё два заказа. Один — от интернет-магазина одежды, второй — от свадебного салона. Сейчас у неё в работе ноль проектов. Аренда студии оплачена до конца месяца, дальше — либо она найдет деньги, либо вылетит.

— Реакция?

— Пока никакой. Она не звонит, не пишет, не пытается выяснить, кто за этим стоит.

Роман нахмурился.

— Это странно.

— Что именно?

— Что она не ищет причину. Обычный человек в такой ситуации начинает дергаться, звонить друзьям, просить помощи. Она — нет. Почему?

Егор пожал плечами:

— Может, гордая?

— Или глупая, — Роман усмехнулся. — Ладно. Продолжай давить.

Егор кивнул и вышел.

Роман остался один.

Он повернулся к окну. За стеклом медленно темнело. Апрельские сумерки опускались на город, как тяжёлое одеяло.

— Почему ты не идёшь? — думал он о ней. — Почему не сдаёшься?

Он хотел, чтобы она сдалась. Хотел, чтобы она пришла и сказала: «Я ошибалась, простите меня, я сделаю всё, что скажете».

И тогда он почувствует триумф.

Но если она не сдастся?

Он отогнал эту мысль. Все сдаются. Вопрос времени.

Студия Алисы. Ночь

Алиса сидела на полу. Вокруг неё лежали распечатки — чеки, счета, квитанции. Она считала долги. Аренда, коммуналка, налоги, ипотека, плюс кредит за оборудование. Итого: почти триста тысяч в месяц.

—А у меня ноль заказов. Ноль, — подумала она.

Она сжала руками голову и закрыла глаза.

Перед внутренним взором возникло его лицо. Острые скулы. Холодные глаза.

— Что же ты за человек? — прошептала она. — Какая муха тебя укусила? Но она знала ответ. Не муха. Самолюбие. Её поступок на банкете задел его гордость. А гордость для такого мужчины — это единственное, что дороже денег.

— Что мне делать?

Она не знала. Извиниться? Слишком поздно. Бороться? У неё нет ресурсов. Сдаться? Она подняла голову. Посмотрела в зеркало на стене. Увидела свои глаза, красные, опухшие от недосыпа и вдруг внутри что-то щёлкнуло.

— Я не сдамся, — подумала она. — Я буду бороться. Я найду способ. Я докажу этому высокомерному козлу, что он не властен надо мной.

Она встала. Подошла к ноутбуку и открыла почту. Написала письмо в три агентства, с которыми раньше не работала. С новыми предложениями. С низкими ценами.

— Я не сдамся, — сказала она вслух. Но внутри, глубоко, в самом тёмном уголке души, она знала правду. Он сильнее. У него больше ресурсов, он играет по своим правилам, и она проиграет. Вопрос только — когда и как дорого это ей обойдётся.

Офис Романа

Сидя в кресле, он смотрел на телефон. Доклад от Егора поступил час назад: «Королёва не сдаётся. Пишет письма новым клиентам. Настроена решительно».

— Красиво, — подумал Роман. — Мне нравится твой характер. Жаль, что он тебя погубит.

Он набрал номер.

— Егор, слушай. Завтра подключаем новый уровень. Давление на банк. Пусть их юрист намекнёт Королёвой, что ипотека под угрозой. И найди способ подставить её с неуплатой налогов, но аккуратно. Чтобы она не села, просто чтобы испугалась.

— Понял, Роман Борисович.

— И ещё. Найди её подругу. У них, кажется, близкие отношения. Если надавить на подругу, она сломается быстрее.

— Сделаю.

Роман откинулся в кресле, закрыл глаза и в темноте своего сознания увидел её лицо. Упрямое. Гордое. С горящими глазами.

— Ты проиграешь, королева, — подумал он. — Но, чёрт возьми, с тобой интересно играть.

Восемь дней назад

После банкета она была злой, но не напуганной. «Ну подумаешь, отменили пару заказов. Переживём». Она тогда не знала, что это только начало.

Ей позвонила Марина. Подруга, с которой они вместе учились на факультете журналистики. Марина работала в «Питер Медиа» — крупном рекламном агентстве.

— Алис, я не знаю, как тебе сказать, — голос у Марины был странный. Сдавленный. Как у человека, который говорит под дулом пистолета.

— Что случилось?

— Меня вызвал начальник. Сказал, что, если я продолжу с тобой общаться, у меня будут проблемы. Большие проблемы.

— В смысле? — Алиса не поверила своим ушам. — Какие проблемы?

— У них тендер на городской контракт. Сорок миллионов. Тот, кто его курирует, сказал, что я — «нежелательный элемент», если остаюсь в твоём кругу общения. Алис, прости... я не могу рисковать. У меня ипотека, мама больна, я единственный кормилец...

— Ты меня бросаешь? — спросила Алиса тихо.

— Я не бросаю. Я... отхожу в сторону. На время.

— На какое время?

Марина молчала.

— На то время, пока ты не решишь свои проблемы с Земцовым, — выдавила она наконец.

— Откуда ты знаешь, что это Земцов?

— Все знают, Алиса. Все. Это Петербург. Здесь слухи распространяются быстрее пожара. Он объявил тебе войну и все, кто рядом с тобой — становятся врагами.

— И ты становишься?

— Я становлюсь трусом, — Марина всхлипнула. — Прости. Просто прости.

Она положила трубку и больше не перезванивала.

Алиса смотрела на телефон и чувствовала, как внутри разрастается пустота.

Пять дней назад

Алиса сидела в кафе на Невском, напротив девушки-блогера с двумя миллионами подписчиков. Заказ на съёмку контента для её блога — триста тысяч рублей. Последняя надежда.

— Лерочка, я понимаю, что вы обеспокоены, — Алиса говорила ровно, хотя внутри всё дрожало. — Но давайте обсудим детали. Я предлагаю...

— Извините, — блогер перебила её, даже не глядя в глаза. — Мне посоветовали не работать с вами.

— Кто посоветовал?

— Не могу сказать. — Лерочка поднялась, сунула телефон в сумку. — Но это человек, которому я доверяю. И он сказал, что вы — токсичная. Что сотрудничество с вами может навредить моему бренду.

— Чем я могу навредить вашему бренду?

— Не знаю. Но я не готова рисковать.

Она ушла, оставив Алису с неоплаченным счётом за кофе.

Алиса смотрела ей вслед и чувствовала, как внутри поднимается тошнота.

Он всё контролирует. Каждый шаг. Каждый мой контакт. Он даже блогеров подставил. Он достаёт их через рекламные агентства, через спонсоров, через партнёров. Он везде.

Она тогда впервые подумала о том, чтобы позвонить ему.

Взять телефон. Набрать номер. Сказать: «Что вам от меня нужно? Что я должна сделать, чтобы вы остановились?»

Но гордость была сильнее страха.

— Нет, — сказала она себе. — Я не буду умолять. Я не буду ползать на коленях перед этим выскочкой.

Три дня назад

Письмо из банка: «В связи с нарушением условий кредитного договора...».

Она пропустила платёж. Впервые за два года. Денег не было даже на еду — что говорить об ипотеке. Банк давал две недели, чтобы погасить задолженность. Иначе — квартира уйдёт с молотка.

Алиса перечитала письмо пять раз. Потом набрала номер банка.

— Здравствуйте, это Алиса Королёва. По поводу моей ипотеки... я могу попросить отсрочку на месяц?

— Секунду, — голос оператора был бездушным, механическим. — Алёна Владимировна, к вам клиентка Королёва, просит отсрочку... — она говорила с кем-то рядом, не прикрывая трубку. — Да, та самая... Да, я поняла.

— Алиса Сергеевна, — оператор вернулась в трубку. — Вам отказано.

— Но я могу предоставить справки, объяснить ситуацию...

— Нам уже всё объяснили, — отрезала оператор. — Ждём платеж в течение двух недель. Иначе — обращение в суд.

— Кто вам объяснил?

— До свидания.

Трубка пикнула.

Алиса сжала телефон так, что хрустнул пластик. Он добрался и до банка, — поняла она. — Он добрался везде.

Сегодня. Утро

Последние коробки грузили в машину. Алиса стояла на тротуаре, сжимая в руках ключи от студии, которые через час нужно было отдать арендодателю.

Мимо прошла женщина с коляской. Посмотрела на Алису с любопытством — молодая девушка, одетая во всё чёрное, с красными глазами и пустым взглядом, на фоне грузчиков, выносящих оборудование.

— Интересно, что она видит? — подумала Алиса. — Девушку, у которой всё хорошо? Или девушку, которую раздавили, как жука?

— Принимайте, — сказала она, когда последняя коробка исчезла в фургоне.

— Что? — не понял молодой человек в очках, представитель собственника.

— Ключи. Я освобождаю помещение.

Мужчина удивился, но ключи взял. Составил акт. Попросил подписать. Алиса подписала. Всё, больше нет студии, нет работы, нет заказов, нет подруги, которая готова была бы помочь. Нет ничего. Она осталась одна с камерой в руках и пустотой в груди.

— Теперь ты доволен, Земцов? — подумала она. — Ты добился своего. Я разорена. Я уничтожена.

Офис Земцова. Два часа спустя

— Она освободила студию, — сказал Егор, стоя у двери. — Съехала сегодня утром. Вещи вывезла на склад.

— Какая реакция? Звонила? Писала? Пыталась связаться с кем-то из знакомых, кто мог бы помочь?

— Нет. Молчит. Абсолютно. Даже не пытается.

Роман отхлебнул воды.

— Удивительная женщина, — подумал он. — Большинство на её месте уже давно разрыдались бы в телефон, умоляли о пощаде, слали общих знакомых просить за них. А эта — молчит. Не сдаётся. Держится.

Он почти восхищался ею. Почти.

— Продолжаем давить, — сказал он вслух. Его голос был спокоен, холоден. Как у врача, который знает, что пациент умрёт, но продолжает лечение. — Что с налогами?

— Мы подали анонимную жалобу в налоговую. Завтра придут проверять. Она не сможет предоставить документы, часть утеряна при переезде, часть оформлена не по форме, часть просто исчезла. Штраф — около шестисот тысяч. Плюс пени.

— Шестьсот, — повторил Роман. — Маловато.

— Можем добавить ещё. У неё есть незадекларированный доход за прошлый год — три крупных заказа, которые прошли мимо кассы. Если налоговая найдёт это...

— Найдут, — перебил Роман. — Организуй, чтобы нашли.

— Есть.

— Что с её портфолио?

— Фотографии убрали из всех галерей, где они выставлялись. Арт-директора получили звонки, вежливые, но недвусмысленные. Больше никто не возьмёт её работы. Ни одна галерея, ни один выставочный зал, ни один онлайн-портал.

— Хорошо. Что ещё?

— Мы провели работу с её бывшими клиентами. Каждый из них получил предложение, от которого не смог отказаться. Либо скидки на наши услуги, либо проблемы с их собственным бизнесом. Все, кто когда-то сотрудничал с Королёвой, теперь боятся даже произносить её имя вслух.

Роман кивнул.

— Она должна чувствовать себя изолированной. Как в вакууме. Как будто её никогда не существовало.

— А если не станет?

— Тогда мы продолжим, — Роман посмотрел на Егора. В его глазах не было ни капли сомнения. — Я не остановлюсь, пока она не приползёт ко мне на коленях. Понял?

— Так точно.

— Свободен.

Егор вышел.

Роман остался один.

Он повернулся к окну. За стеклом — серое петербургское небо, низкое, тяжёлое, давящее. Как он сам.

— Почему ты не звонишь? — думал он о ней. — Почему не просишь о встрече? В чём твоя гордость, когда у тебя нет ни денег, ни будущего?

Он хотел, чтобы она сдалась. Хотел увидеть, как она ломается. Хотел почувствовать вкус победы.

Но что-то подсказывало ему, когда она сломается, вкус будет горьким.

Он отогнал эту мысль.

— Слабость, — сказал он себе. — Ты становишься слабым. Не смей.

Каменный остров, квартира Половцева, ночь

Станислав Половцев лежал в своей постели на Каменном острове, рядом с ним посапывала блондинка с идеальной фигурой. Он не помнил её имени. Какая разница. Они всегда одинаковые: податливые, благодарные, испуганные его статусом. Он щёлкал пальцами, и они падали на колени. Он говорил «приди» — и они срывались с работы, бросали мужей, забывали о гордости. Стас привык к этой механике. Это было удобно, предсказуемо, скучно.

Но в ту ночь он смотрел в потолок с высокими лепными карнизами и видел перед собой только зелёные глаза. Нет, не просто зелёные — болотные, с янтарными крапинками, которые сверкнули в полумраке бара, когда она в третий раз послала его. И этот рыжий хвост. И голос — низкий, с хрипотцой, которой не должно быть у двадцатидвухлетней девчонки. Голос, который сказал ему «нет» трижды за один вечер. Трижды. Стас попытался вспомнить, когда в последний раз женщина говорила ему «нет». Он не вспомнил. Возможно, никогда. Женщины говорили «да» его деньгам, его власти, его фамилии, его рукам, которые умели брать без спроса. Но эта...

Он сел в постели, откинув одеяло. Блондинка заворочалась, что-то простонала во сне, он не обратил внимания. Встал, накинул халат, подошёл к огромному окну. Проспект блестел огнями внизу, но Стас смотрел в отражение на стекле. Собственное лицо показалось ему чужим. Жёсткое, с тяжёлой челюстью и глазами, которые в Думе называли «глазами хищника». Тридцать шесть лет, из них пятнадцать — в политике, семь — в большой игре. Он привык, что его боятся. Он привык, что его уважают. Но эта рыжая девчонка в дешёвом фартуке... она его не боялась. Она смотрела на него взглядом — холодным, оценивающим, недружелюбным. Как у кошки, которую гладят против шерсти.

Стас усмехнулся собственному отражению. Зло. Хищно.

Он набрал Романа Земцова.

— Слушай, — сказал в трубку без приветствия. — Ты знаешь, кто владеет «Грифом»?

Роман засмеялся, хрипловато спросонья — было около двух часов ночи.

— Стас, блядь, я сплю. Это не может подождать до утра?

— Нет, — отрезал Стас. — Кто владелец?

— Фёдор Антонович, но он никого не боится, если ты думаешь надавить, — зевнул Роман. — А зачем тебе?

— Буду ходить туда. Каждый день. Скажи ему, чтобы меня обслуживали только за её столиком.

Роман помолчал. Потом хмыкнул:

— Эта рыжая, что ли? Которая тебя послала? Стас, ты серьёзно? Ты решил приударить за официанткой, как пацан на выпускном?

— Я решил, — тихо сказал Стас, и в голосе его прорезалась сталь, которую Роман знал слишком хорошо, — что эта девочка будет моей. Не спрашивай больше.

— Ладно-ладно, — быстро сдался друг. — Скажу.

Стас сбросил вызов.

— Ты даже не знаешь, на кого напала, девочка, — прошептал он в тишине комнаты.

Офис Грозовского

Солнечный свет, заливавший его кабинет, казался насмешкой. Он был резким, бездушным, техническим. Он высвечивал каждую пылинку на идеально отполированной поверхности стола, каждую микроскопическую трещинку в его безупречно собранном фасаде. Руслан пытался сосредоточиться на отчете, который горой лежал перед ним — цифры, графики, прогнозы прибыли, но цифры плясали перед глазами, сливаясь в абстрактные, бессмысленные узоры.

Единственное, что стояло перед ним четко и ясно, — это образ ее глаз. Огромных, темных, как бездонные озера, в которых тонуло все его хваленое самообладание.

Он стал своим собственным шпионом. Утром, едва открыв глаза, он первым делом проверял сайт бара, нет ли изменений в расписании? В перерывах между совещаниями он вбивал в поиск «бар Гриф Петербург» и с глупой надеждой листал скудные результаты. Он даже нашел несколько размытых фотографий из бара в инстаграме каких-то посетителей. На одной из них она была — смутно видно вдали, на сцене, с гитарой. Он сохранил фотографию себе в телефон, словно подросток, и потом сам себе удивлялся этой жалкой, отчаянной слабости.

Его мир, такой предсказуемый и выверенный, дал трещину. И в эту трещину хлынуло что-то яркое, хаотичное, пугающее и невероятно живое.

— Руслан Викторович, у вас через пять минут созвон с Цюрихом, — голос Ольги в селекторе прозвучал как удар хлыста.

— Перенеси, — услышал он свой собственный голос, прежде чем мозг успел осознать сказанное.

— Простите? — в голосе секретаря прозвучало неподдельное изумление. Он никогда ничего не переносил. Никогда.

— Перенесите на… на завтра, — сказал он, чувствуя, как по его спине пробегают мурашки от собственной наглости. — Скажите, что возникли неотложные обстоятельства.

Он положил трубку, встал из-за стола и подошел к окну. Его отражение в стекле выглядело растерянным. «Неотложные обстоятельства». Да, так оно и было. Неотложное обстоятельство заключалось в том, что он не мог думать ни о чем, кроме как о том, когда она снова будет петь.

Он посмотрел на город, раскинувшийся у его ног. Сегодня он не казался ему игрушкой. Он казался лабиринтом. Огромным, запутанным, в самом сердце которого была спрятана его собственная, личная Ариадна. Та, что могла вывести его из этого тупика бессмысленности.

Вечер пятницы. Согласно расписанию на сайте, она должна быть там.

Оставшийся день прошел в каком-то тумане. Он механически отвечал на письма, подписывал документы, кивал на что-то на планерке. Его мысли были там, в теплом полумраке бара, где пахло деревом и пивом.

Ровно в семь он вышел из офиса, оставив удивленную Ольгу за своим столом. Он не поехал домой переодеваться. Он сел в свой Merscedes и сказал водителю адрес. Тот, профессионально не выказывая ни малейшего удивления, тронулся с места.

Он вышел из машины за пару кварталов, внезапно не желая подъезжать к самому бару на этом своем, слишком бросающемся в глаза автомобиле. Он хотел раствориться. Стать частью этого места. Хотя бы на несколько часов.

Он зашел внутрь. Было еще рано, и посетителей было немного. Тот же бармен, Саша, лениво полировал бокалы. Та же рыжая официантка, которую он мысленно окрестил «Фурией», расставляла на столиках свечи.

И… ее не было.

Паника, острая и холодная, кольнула его под ложечкой. Может, он ошибся днем? Может, она заболела? Может, она уволилась?

Он с трудом сохранил равновесие и направился к своему столику в углу. Тому самому. Он был свободен.

— Добрый вечер, — сказала ему рыжая, подходя с меню. Ее взгляд был оценивающим, немного колючим. — Что будете?

— Виски с содовой, — выдавил он.

— Один? — в ее тоне прозвучал едва уловимый подтекст.

— Один, — кивнул он, избегая ее взгляда.

Он делал глоток виски, которое ему принесли, и чувствовал, как алкоголь абсолютно не действует. Его нервы были натянутые струны. Каждый скрип двери, каждый новый вошедший заставлял его вздрагивать и смотреть на вход с безумной надеждой.

И вот, спустя мучительные полчаса, дверь открылась, и она вошла.

Она была в простых джинсах и кожаной куртке, через плечо была перекинута гитара в чехле. Она выглядела… обычной. Молодой. Удивительно живой.

Увидев его, она на секунду смутилась, отвела глаза, что-то быстро сказала подруге и скрылась в той самой комнатке за стойкой.

Руслан выдохнул. Мир снова обрел краски. Звуки — гул голосов, звон бокалов, заигравшая из колонок музыка — снова стали слышимы. Он существовал. Она была здесь.

— Твой поклонник пришёл, — шепнула Кира, протирая стойку.

— Он не поклонник, — ответила Полина, хотя сердце забилось быстрее.

— А кто?

— Просто... гость.

— Гость, который ходит сюда уже вторую неделю подряд, — Кира усмехнулась. — И каждый раз садится так, чтобы видеть сцену. И каждый раз слушает только тебя. Даже когда другие выступают — он уходит в туалет или смотрит в телефон.

— Откуда ты знаешь?

— Я официантка. Я всё вижу.

Полина покраснела. Она хотела сказать что-то резкое, но передумала.

— Кира права, — подумала она. — Он приходит снова и снова. И смотрит. Только на меня.

Она выдохнула и вышла на сцену. Сегодня она пела не джаз. Она пела романс — старый, забытый, который разучила с Аглаей Львовной ещё на втором курсе. «Гори, гори, моя звезда». Слова были грустными, музыка тягучей, как весенний туман над Невой.

«Ты не сойдёшь с небосклона, пока я жив...»

Руслан сидел не двигаясь. Он не пил, не смотрел по сторонам. Он забыл, где находится. Забыл, что у него есть дела, деньги, невеста. Забыл про Анастасию, которая сегодня устроила скандал из-за того, что он не пришёл вчера на ужин.

Он смотрел только на неё.

На её темные волосы. На то, как она закрывает глаза на высоких нотах. На её пальцы, сжимающие микрофон так, будто это единственное, что держит её на земле.

— Кто ты? — думал он снова. — Откуда ты взялась?

Он хотел подойти. Познакомиться. Сказать что-то. Не знал что. Ведь он никогда не знакомился с девушками. Они сами знакомились с ним.

«Вы Руслан Грозовский? Тот самый? О, как интересно...»

Он устал от этого. Устал быть деньгами, статусом, возможностями, а здесь никто не знал, кто он. Для Саши-бармена он просто «мужик в пальто». Для Киры — «тот, кто пялится на Полину». Для Полины... Для Полины он был никем и это было самое привлекательное в ней.

После выступления Полина ушла за кулисы. Сердце колотилось.

— Он здесь, — думала она. — Снова.

Она выпила воды, поправила макияж, хотя знала, что это глупо. Он не подойдёт. Такие, как он, не подходят к таким, как она.

— Девушка?

Она обернулась. Он стоял в проходе между сценой и барной стойкой. Близко, так близко, что она чувствовала запах его одеколона — горьковатый, с нотками кожи и табака.

— Да? — голос её дрогнул. Она ненавидела себя за эту дрожь.

— Вы очень красиво поёте, — сказал Руслан, просто, без пафоса. — Я... я не специалист, но у вас голос... он проникает куда-то глубоко. Я не знаю, как это объяснить.

— Спасибо, — Полина опустила глаза.

Она не знала, что говорить. Обычно она умела разговаривать с людьми. С ним слова застревали в горле.

— Вы здесь работаете? — спросил он.

— Да. Нет. То есть... я учусь в консерватории. А здесь подрабатываю.

— Консерватория, — повторил он. — Это престижно. Вы, наверное, талантливы.

— Не знаю. Мне кажется, талант — это когда другие так говорят. А сама я просто пою.

Руслан улыбнулся.

Первый раз за вечер.

— Меня Руслан зовут, — сказал он, протягивая руку.

— Полина.

Она вложила свою ладонь в его.

Он держал её секунду. Две. Три. Дольше, чем нужно для приветствия и не хотел отпускать.

— Полина, — повторил он. — Хорошее имя.

— Обычное.

— В вашем исполнении — нет.

Они стояли друг напротив друга, и между ними было меньше полметра. Но Полине казалось — целая пропасть.

— Зачем ты здесь? — хотела спросить она. — Что тебе нужно от меня?

Но спросила другое:

— Вы часто ходите в бары?

— Нет, — он покачал головой. — Я вообще не хожу. Но здесь... здесь мне нравится.

— Голос? — она улыбнулась.

— Голос, — подтвердил он. — И вы.

Они помолчали. Кира прошла мимо с подносом, полным бокалов, и бросила на них многозначительный взгляд.

Полина покраснела.

— Мне пора, — сказала она. — У меня ещё выступление через час.

— Я подожду, — сказал Руслан. И это прозвучало не как вопрос, а как обещание.

За столиком №3

Руслан вернулся на своё место. Взял бокал, который принесла Кира. Она поставила его перед ним с лёгким стуком, выражая всё своё отношение к происходящему.

— Ну что, поговорил? — спросила она с вызовом.

— Можно и так сказать.

— Вы, богатые, все одинаковые. Сначала глазками стреляете, потом бросаете.

— Я не бросаю, — сказал Руслан. — Я просто... слушаю.

— Слушай. Только сердце ей не разбей. Понял?

— Понял.

Кира фыркнула и ушла. Руслан отпил виски.

Алиса

Алиса уже час смотрела на экран. На сохранённый номер. «Земцов Р.Б.».

— Позвони, — шептал внутренний голос. — Позвони и покончи с этим.

— Не смей, — кричала гордость. — Ты же не такая.

— Какая? — спросила она вслух пустоту. — Слабая? Трусливая? Та, кто сдаётся?

Она взяла телефон, набрала номер. Сбросила и взяла снова.

— Алло? — голос секретарши.

— Мне нужен Роман Борисович Земцов, — сказала Алиса. Голос её звучал ровно. Так же ровно, как умирает надежда.

— По какому вопросу?

— Личному. Скажите, что звонит Алиса Королёва.

— Минуту.

Тишина. Алиса слышала, как стучит её сердце. Глухо, как барабан перед казнью.

— Слушаю, — раздался в трубке его голос.

Холодный. Далекий. Безразличный, как стена.

— Роман Борисович, — она сглотнула. Горло пересохло. — Это Алиса Королёва.

— Я знаю, — спокойно ответил он. — Я ждал вашего звонка. Честно говоря, вы продержались дольше, чем я ожидал.

— Вы... вы знаете, зачем я звоню.

— Догадываюсь. Но хочу услышать от вас. Скажите это. Вслух.

Алиса закрыла глаза.

Будь что будет.

— Я сдаюсь, — сказала она. Голос дрогнул. — Вы победили. У меня нет студии, нет заказов, нет денег, и я не знаю, что будет завтра. Вы этого хотели? Вы этого добивались?

— Я добиваюсь справедливости, — холодно ответил Роман. — Вы меня унизили. Вы заплатили за это. Всё честно.

— И что теперь? Вы удовлетворены?

— Нет, — сказал он. — Пока вы не попросите прощения лично. Приползёте ко мне и скажете это в глаза.

Алиса сжала телефон так, что побелели костяшки.

— Вы чудовище, — прошептала она.

— Возможно, — согласился он. — Но вы сами выбрали себе врага. Приходите завтра в мой офис. В семь.

— Я приду, — тихо сказала она.

— Я знаю, что вы придёте. Вы уже приползли.

Он повесил трубку.

— Круг замкнулся, — подумала она. — Я возвращаюсь туда, откуда начала. Без студии, без заказов и без друзей.

Она легла на кровать и заплакала. Впервые за эту неделю, в полный голос, не стесняясь соседей.

Офис Земцова, тот же вечер

Роман положил трубку. Некоторое время он смотрел на телефон, как будто тот мог ответить ему ещё чем-то.

— Приползла, — подумал он. — Приползла. Наконец-то.

Он должен был чувствовать триумф. Должен был испытывать удовлетворение, как после выигранного дела в суде. Но он не чувствовал ничего, кроме пустоты.

— Почему? — спросил он вслух.

Никто не ответил.

Он взял бокал с водой, сделал глоток. Вода была безвкусной. Как и победа.

— Завтра она придёт, — сказал он себе. — Я посмотрю на неё. На её унижение. На её слёзы. И я буду знать, что я это сделал.

Он хотел, чтобы это принесло ему удовольствие, но где-то глубоко, в той части души, которую он не признавал даже сам себе, шевельнулось сомнение. *А если не принесёт?*

Он отогнал эту мысль.

— Егор! — крикнул он.

— Да, Роман Борисович?

— Завтра в семь у меня встреча с Королёвой. Проследи, чтобы нас не беспокоили.

— Сделаю.

Егор вышел.

Роман повернулся к окну.

На Неве зажигались огни. Мосты ещё не развели. Город жил своей обычной жизнью — спешащей, шумной, безразличной.

Он думал о завтрашнем дне, о её лице, о том, что он скажет ей.

— Ты проиграла, королева, — мысленно произнёс он. — И теперь ты будешь делать то, что я скажу.

Он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз.

Бар «Гриф»

Она пела последнюю песню. «Отель "Калифорния"» — медленно, тягуче, почти шёпотом.

Руслан сидел за своим столиком и не двигался. Он уже не скрывал, что приходит ради неё, не прячет взгляд, не делает вид, что смотрит в телефон. Он просто смотрит на неё, и она чувствует этот взгляд кожей.

— Кто ты? — думала она снова. — Почему ты смотришь на меня так, будто я единственный человек в этом зале?

После выступления она подошла к нему сама.

Кира чуть не выронила поднос от удивления.

— Вы здесь уже три часа, — сказала Полина. — Я думала, богатые люди заняты по вечерам.

— Они заняты, — ответил Руслан. — Но я сегодня свободен.

— И вы решили провести свободу в баре на Лиговском?

— Я решил провести её здесь, — он посмотрел ей в глаза. — С вами.

Полина смутилась.

— Вы странный, Руслан.

— Знаю.

— Вы даже не пытаетесь произвести впечатление.

— А зачем? — он пожал плечами. — Я просто пришёл послушать ваш голос. И познакомиться. Я уже познакомился. Дальше — как вы решите.

— Что значит «как я решу»?

— Если вы хотите, чтобы я ушёл — я уйду. Если хотите поговорить — я останусь. Если хотите, чтобы я приходил завтра — я приду. Выбирать вам.

Полина растерялась. Никто никогда не давал ей выбирать. Мужчины обычно сами выбирали — навязывались, дарили цветы, звали на свидания, не спрашивая её мнения, а этот — спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.